

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕД: ЧАСТНОПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Н. С. Конева, konevans@susu.ru

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований за причиненный вред (ст. 1069–1070 ГК РФ) в контексте доктрины единства публичной власти. Обосновывается тезис о том, что деликтный иск частного лица выполняет не только компенсационную, но и системную регулятивную функцию: через механизм децентрализованного судебного контроля он фиксирует отклонения от конституционно установленного стандарта правомерного осуществления публичной власти. Особое внимание уделяется экологическому измерению публично-правового деликта, в котором публичный субъект выступает одновременно регулятором и потенциальным причинителем вреда. Выявляются структурные ограничения деликтного механизма в российском правопорядке и формулируются направления доктринального развития.

Ключевые слова: деликтная ответственность публичной власти, возмещение вреда, единство публичной власти, децентрализованный контроль, экологический вред, право на благоприятную окружающую среду, судебный-деликтный стандарт, доказательственная асимметрия, регрессная ответственность должностных лиц, публично-правовой деликт.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03269, <https://rscf.ru/project/25-28-03269/> «Разработка концепции и методологии разрешения споров по делам об ответственности публичных и хозяйствующих субъектов за причинение экологического ущерба локального и антропогенного характера».

Для цитирования: Конева Н. С. Деликтная ответственность публичной власти за экологический вред: частноправовые механизмы контроля и конституционные гарантии права на благоприятную окружающую среду // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26, № 3. С. 30–37. DOI: 10.14529/law260304.

Original article
DOI: 10.14529/law260304

TORTIOUS LIABILITY OF PUBLIC AUTHORITY FOR ENVIRONMENTAL HARM: PRIVATE LAW CONTROL MECHANISMS AND CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE RIGHT TO A FAVOURABLE ENVIRONMENT

N. S. Koneva, konevans@susu.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article examines the civil liability of public law entities for damage caused by unlawful acts of public authorities and their officials (Articles 1069–1070 of the Civil Code of the Russian Federation) within the framework of the doctrine of the unity of public power. The authors advance the thesis that a private tort claim performs not merely a compensatory function but also a systemic regulatory one: through the mechanism of decentralised judicial review, it identifies deviations from the constitutionally established standard of lawful exercise of public authority. Particular attention is paid to the environmental dimension of the public law tort, in which the public entity simultaneously occupies the roles of regulator - bearing a positive constitutional obligation to ensure citizens' right to a favourable environment - and potential tortfeasor, acting through unlawful conduct of environmental supervisory bodies. The article identifies structural constraints on the tort mechanism within the Russian legal order and formulates directions for doctrinal development.

Keywords: tortious liability of public authority, damages; unity of public power, decentralised control; environmental harm, right to a favourable environment, judicial tort standard of lawful public conduct, evidential asymmetry, right of recourse against officials, public law tort.

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-03269, <https://rscf.ru/project/25-28-03269> / "Development of a concept and methodology for resolving disputes in cases of liability of public and business entities for causing environmental damage of a local and anthropogenic nature".

For citation: Koneva N. S. Tortious liability of public authority for environmental harm: private law control mechanisms and constitutional guarantees of the right to a favourable environment. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2026. Vol. 26. no. 3. pp. 30–37. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260304.

Институт возмещения вреда, причиненного органами публичной власти, традиционно рассматривается в цивилистической доктрине как частноправовой механизм защиты субъективных прав [2, с. 20–31; 3, с. 92–93]. Вместе с тем публично-правовой деликт выступает не только основанием гражданской ответственности, но и юридическим фактом, выявляющим системные нарушения в осуществлении публичной власти. Такой аспект рассмотрения становится возможным, если исследовать деликтную ответственность как правовое средство внешнего контроля за осуществлением публичной власти и исходить из следующего тезиса: частные начала в защите публичного интереса не противостоят природе публичной власти, а органично встраиваются в систему ее сдержек, формируя вид горизонтальной подотчетности власти гражданскому обществу.

Постановка проблемы. Институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный действиями органов публичной власти и их должностных лиц (ст. 1069–1070 ГК РФ), конструируется как компенсационный [3, с. 177–187]: в системе вертикального публично-правового контроля частное лицо выступает объектом защиты, но не субъектом контроля над властью, что принципиально сужает функциональный потенциал данного института. Особую значимость это приобретает в сфере охраны окружающей среды, поскольку именно здесь публично-правовой субъект выступает одновременно и как регулятор, обязанный обеспечить конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ), и как потенциальный причинитель вреда – через действия органов экологического надзора (Росприроднадзора, Роспотребнадзора, региональных природоохранных органов) [6, с. 22]. Деликтный иск в этом контексте выполняет

двойную функцию – он обеспечивает компенсацию конкретного антропогенного экологического вреда и одновременно констатирует в судебном порядке факт ненадлежащего осуществления природоохранных полномочий.

Предъявляя деликтный иск к публично-правовому образованию, частное лицо инициирует независимую судебную оценку правомерности властного действия, а судебное решение, констатирующее факт причинения вреда, фиксирует конкретный случай отклонения от стандарта правомерного осуществления публичной власти. Данный механизм характеризуется рядом признаков, отличающих его от классических публично-правовых инструментов контроля: во-первых, децентрализованностью – он инициируется не уполномоченным органом, а любым лицом, чьи права нарушены; во-вторых, конкретностью – он направлен не на абстрактную проверку нормы, а на оценку конкретного властного действия и его последствий для частного лица; в-третьих, обусловленностью охраняемым законом интересом потерпевшего в получении возмещения, что обеспечивает инициативность обращения за судебной защитой независимо от усмотрения публичных институтов.

Таким образом, традиционная дихотомия «публичное-частное» в контексте деликтной ответственности публичной власти оказывается методологически недостаточной, поскольку перед нами не просто пересечение двух правовых отраслей, а частноправовой инструмент, встроенный в конституционную систему публичной власти и выполняющий функцию ее системного регулятора.

Вместе с тем необходимо обозначить определенную методологическую границу. Тезис о деликтном иске как механизме «горизонтальной подотчетности» власти требует соотнесения с устоявшейся концептуальной традицией. В классической теории подотчет-

ности, восходящей к работам Г. О'Доннелла [7; 8], горизонтальная подотчетность означает взаимный контроль между институтами одного уровня государственной власти, тогда как отношение «гражданин – государство» традиционно квалифицируется как вертикальное. В связи с этим предлагаемое расширение понятия требует самостоятельного теоретического обоснования – либо посредством полемики с существующей классификацией, либо посредством введения промежуточной категории «диагональной подотчетности» в понимании Дж. Фокса [9, с. 347–349], фиксирующей механизмы, в которых частный субъект инициирует юридически значимую оценку властного действия без институционального посредничества.

Функциональное понимание публичной власти позволяет поставить вопрос о механизмах воздействия на качество ее осуществления вне зависимости от того, какой орган или уровень власти является субъектом конкретного властного действия. Наиболее отчетливо этот вопрос обнаруживает себя в сфере охраны окружающей среды, где публичная власть несет не только общую обязанность воздерживаться от причинения вреда, но и позитивную конституционную обязанность по обеспечению благоприятной окружающей среды (ст. 42 Конституции РФ). Неисполнение этой обязанности органами экологического надзора и управления – незаконные предписания, незаконное приостановление природоохранных мероприятий, ненадлежащий контроль за источниками антропогенного воздействия – образует самостоятельную категорию публично-правовых деликтов.

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что правовые основы государственной политики в сфере охраны окружающей среды должны «определяться таким образом, чтобы... обеспечивались соблюдение и защита экологических прав граждан. Этим предопределяются возложение на государство в лице его органов соответствующих координирующих, контрольных и нормативно-регулятивных функций и конституционно-правовая ответственность за их выполнение (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009 г. № 8-П).

Представляется важным обратиться к концепции децентрализованного контроля над публичной властью, понимаемого как со-

вокупность механизмов, посредством которых частные лица вне институциональной иерархии инициируют юридически значимую оценку правомерности властного действия, воздействуя тем самым на поведение публичных субъектов. Деликтный иск является наиболее развитым из таких механизмов, в отличие от административной жалобы или публично-правового оспаривания, он порождает юридически обязывающие имущественные последствия для публично-правового образования и разрешается судом по правилам состязательного процесса. Деликтная ответственность публичных субъектов занимает в этой концептуальной схеме особое место – с одной стороны, она укоренена в частном праве, поскольку ее конструкция, условия возникновения и процессуальный порядок реализации определяются нормами гражданского законодательства. С другой – ее субъектный состав, основания и последствия неизбежно выводят ее в плоскость публичного права, поскольку публичный субъект, несущий деликтную ответственность, – это носитель властных полномочий, действовавший от имени государства или муниципального образования, и именно в этом качестве причинивший вред. Соответственно, противоправность его действий – это не только нарушение гражданско-правовой нормы, но и отклонение от конституционно установленного стандарта правомерного осуществления публичной власти. Методологически это означает, что анализ деликтной ответственности публичных субъектов не может быть исчерпан ни инструментарием цивилистики, ни инструментарием публичного права – он требует интегративного подхода, опирающегося на теорию единой публичной власти как системообразующую категорию.

Частные начала как системный регулятор. Признание за деликтной ответственностью публичных субъектов системной регулятивной функции требует, прежде всего, ответа на вопрос, каким образом единичный частный иск способен воздействовать на поведение публичной власти как системы. Ответ обнаруживается на двух уровнях – микроуровне конкретного правоотношения и макроуровне институциональной динамики. На микроуровне судебное решение, констатирующее незаконность действий органа публичной власти и обязывающее публично-правовое образование возместить причиненный вред, созда-

ет непосредственный стимул к пересмотру практики, повлекшей ответственность. Деликтный иск выполняет корректирующую функцию, он судебным решением констатирует отклонение от стандарта правомерного осуществления публичной власти и создает юридически значимые основания для пересмотра соответствующей правоприменительной практики.

На макроуровне регулятивный потенциал частных начал проявляется через накопление судебной практики, устойчивая серия решений, фиксирующих однотипные нарушения со стороны публичных субъектов, образует то, что может быть обозначено как судебно-деликтный стандарт правомерного властного поведения. Данный стандарт вырабатывается в процессе разрешения конкретных споров и обладает особой юридической значимостью, поскольку опирается на эмпирически подтвержденные случаи нарушений.

Наиболее перспективной областью для эмпирической верификации представляется именно экологическая деликтная практика. Споры об ответственности за локальный антропогенный экологический вред порождают устойчивые серии дел с участием публичных субъектов (региональные министерства природных ресурсов, органы Росприроднадзора), формируя – при наличии независимого судебного арбитра – именно «судебно-деликтный стандарт» экологически правомерного властного поведения. Альтернативные механизмы разрешения таких споров (экологическая медиация, примирительные процедуры) дополняют деликтный иск, создавая многоуровневую систему частноправового контроля над качеством публичной власти в природоохранной сфере: досудебный – через медиацию, судебный – через деликтный иск.

Иллюстрацией такого формирующегося «судебно-деликтного стандарта» служат устойчивые серии дел, возбуждаемых территориальными управлениями Росприроднадзора против муниципальных образований – управляющих источниками антропогенного воздействия на водные объекты. Волжско-Камское МУ Росприроднадзора в деле № А79-2859/2023 взыскало с администрации г. Новочебоксарска (Чувашская Республика) свыше 4,5 млн руб. вреда водному объекту вследствие сброса сточных вод с превышением нормативов допустимых сбросов. Ответчиком выступало муниципальное образование, хотя непо-

средственным источником нарушения являлось решение должностных лиц органа местного самоуправления, что является примером описанного выше «разрыва субъектов». Аналогичный спор рассматривался в деле № А79-1155/2024 по иску того же управления к администрации Цивильского муниципального округа, что свидетельствует о формировании устойчивой практики, образующей «стандарт правомерного властного поведения» в сфере муниципального управления водохозяйственными объектами.

Принципиально важна в этом контексте превентивная функция деликтной ответственности, которая в публично-правовом измерении приобретает особое значение. В отношениях между частными субъектами превенция действует через угрозу имущественных потерь для конкретного причинителя вреда. В публично-правовом контексте механизм усложняется, непосредственным плательщиком по деликтному иску выступает публично-правовое образование, а не должностное лицо, фактически совершившее незаконное действие. Это создает известную проблему разрыва между субъектом ответственности и субъектом поведения, ослабляющую превентивный эффект.

Тем не менее на институциональном уровне систематическое исполнение судебных решений о возмещении вреда за счет казны порождает бюджетно-правовые последствия для соответствующего органа публичной власти, побуждая его к пересмотру правоприменительной практики посредством издания методических указаний должностным лицам, совершенствования административных регламентов и усиления ведомственного контроля.

В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «специфической чертой имущественной ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды является то, что вред... причиняется не имуществу конкретного лица, а окружающей среде». Возмещение вреда в подобных случаях направлено в первую очередь на... восстановление нарушенного состояния окружающей среды в максимально возможной степени. Модель правового регулирования, основанная на применении стандартных формул для исчисления размера вреда окружающей среде... освобождает государство как собственника специфического

имущественного объекта от доказывания размера причиненного ему ущерба» (Постановление от 2 июня 2015 г. № 12-П).

Тем не менее та же асимметрия, которую Конституционный Суд РФ признает допустимой при взыскании экологического вреда с частного субъекта, оборачивается структурным препятствием тогда, когда частный субъект предъявляет требования к публичному. Так, в деле № А33-8628/2021 Арбитражный суд Красноярского края взыскал с Российской Федерации в лице Росприроднадзора 153 126 руб. убытков, причиненных незаконными действиями территориального органа службы. Примечательно, что истцу для этого потребовалось пройти полный доказательственный цикл – незаконность действий, причинно-следственная связь, размер ущерба, – тогда как при симметричных по существу требованиях Росприроднадзора к частному лицу сам факт превышения нормативов сброса образует презумпцию вреда (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»). Это асимметричное распределение доказательственного бремени является не техническим дефектом процессуального законодательства, а проявлением той институциональной диспропорции, которую деликтный механизм призван сглаживать, но в нынешнем состоянии сам воспроизводит.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что деликтный механизм обладает качеством, недоступным институциональным формам контроля, – автономией инициирования, при которой частное лицо, понесшее реальный ущерб от действий публичной власти, обращается за судебной защитой в силу собственного охраняемого законом интереса, вне зависимости от воли публичных институтов. Именно самостоятельность инициирования иска частным лицом обеспечивает деликтному механизму институциональную устойчивость как средству правового контроля над осуществлением публичной власти.

Пределы и потенциал частноправовых механизмов. Реализация регулятивного потенциала деликтного механизма обусловлена рядом структурных ограничений, характерных как для публично-правового деликта в целом, так и для экологической деликтной ответственности в особенности. Первым и

наиболее очевидным ограничением является проблема процессуальных барьеров. Деликтный иск к публично-правовому образованию сопряжен со значительными доказательственными трудностями: бремя доказывания незаконности действий публичного субъекта, причинно-следственной связи и размера вреда лежит на истце – частном лице, как правило, уступающем публичному субъекту в информационных и процессуальных ресурсах. Неравенство процессуальных возможностей сторон нарушает принцип состязательности судопроизводства (ст. 12 ГПК РФ, ст. 9 АПК РФ) и снижает вероятность удовлетворения обоснованных требований частного лица, что непосредственно ослабляет как компенсационную, так и превентивную функции института. Такая «асимметрия» подтверждается судебной практикой Верховного Суда РФ. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 12 мая 2025 г. № 302-ЭС24-24494 по делу № А69-1429/2023 подтверждено: для установления факта причинения вреда водному объекту достаточно самого факта сброса сточных вод с превышением допустимых концентраций загрязняющих веществ, а бремя доказывания надлежащего контррасчета возлагается на ответчика. Тем самым закреплена доктринальная позиция, противоположная той, что действует при предъявлении деликтных требований к публичному субъекту: там, где публичная власть выступает истцом в защиту экологических прав граждан, она пользуется процессуальными преимуществами; там, где она выступает ответчиком, эти преимущества у нее отсутствуют. Это несимметричное положение публичной власти в экологическом деликтном процессе является самостоятельной исследовательской проблемой, требующей доктринального осмысления.

Вторым ограничением выступает уже упомянутый разрыв между субъектом ответственности и субъектом поведения. Финансовые последствия незаконных действий несет не конкретное должностное лицо, их совершившее, а публично-правовое образование в целом, то есть, в конечном счете, бюджет соответствующего публично-правового образования. Механизм регрессных требований к должностным лицам, предусмотренный действующим законодательством, на практике применяется крайне редко, что существенно снижает индивидуально-превентивный эффект института и исключает личную имуще-

ственную ответственность должностных лиц, непосредственно причинивших вред.

Третьим ограничением, приобретающим специфическое значение в экологических спорах, выступает сложность доказывания причинно-следственной связи между действиями (бездействием) публичного субъекта и конкретным экологическим вредом [4, с. 28–30]. Существующие методики оценки ущерба окружающей среде не унифицированы, что создает дополнительную доказательственную асимметрию в пользу публичного субъекта и фактически блокирует реализацию права на возмещение вреда, гарантированного ст. 53 Конституции РФ. Преодоление этого структурного дефекта требует разработки межотраслевой методологии оценки антропогенного экологического вреда [5, с. 49–50] – задачи, необходимой для превращения деликтного механизма в реально работающий инструмент экологического контроля над властью.

Практика подтверждает структурный характер этого ограничения. В деле № А38-5176/2023, рассмотренным Арбитражным судом Республики Марий Эл, Управление Росприроднадзора взыскало с МП «Куженерводоканал» вред, причиненный р. Немда, за вычетом фактически понесенных ответчиком природоохранных расходов (425 500 руб.). Суд при этом применил методику исчисления вреда, основанную на стандартизированных коэффициентах, – это именно та модель, которую Конституционный Суд РФ признал конституционно допустимой в Постановлении № 12-П. Однако установление причинно-следственной связи между сбросом и вредом водному объекту потребовало преодоления содержательного спора о корректности расчетной методики – спора, в котором частный истец (в данном случае сам Росприроднадзор) располагал институциональным преимуществом, недоступным обычному гражданину. Указанное дело иллюстрирует, каким образом доказательственная асимметрия институционально воспроизводится в самом механизме защиты экологических прав.

Применение стандартизированных расчетных методик для исчисления экологического вреда, признанное Конституционным Судом РФ конституционно допустимым (Постановление от 29 сентября 2021 г. № 42-П), частично снижает эту асимметрию, однако лишь в случаях, когда публичный субъект выступает истцом.

Четвертое ограничение – фрагментарность воздействия, проявляющаяся в том, что деликтный иск реагирует на уже состоявшееся нарушение, являясь по своей природе ретроспективным. Это принципиально отличает его от нормоконтроля, способного пресечь незаконную практику до момента ее массового применения. Частноправовой механизм не предотвращает нарушение, а лишь создает условия для его последующего признания и компенсации, что ограничивает его эффективность как инструмента системной профилактики дисфункций публичной власти.

Вместе с тем обозначенные ограничения не опровергают тезис о регулятивном потенциале частных начал, скорее, они указывают на условия, при которых этот потенциал может быть реализован. Независимая судебная власть, процессуальное равенство сторон, действенный механизм регрессной ответственности должностных лиц и доктринальное осмысление деликтной практики как источника стандартов правомерного властного поведения – это необходимые институциональные предпосылки превращения частноправового деликтного механизма в полноценный элемент системы контроля над публичной властью.

Выводы и перспективы доктринального развития.

Гражданско-правовая ответственность за публично-правовые деликты не является инородным элементом в системе публичного права – она представляет собой органичный механизм децентрализованного контроля над осуществлением публичной власти, функционально дополняющий институциональные инструменты надзора и контроля. Частный интерес потерпевшего в данном случае не противостоит публичному интересу, а выступает формой его реализации: добиваясь компенсации, частное лицо одновременно обеспечивает юридически значимое признание ненадлежащего осуществления публичной власти. Предлагаемый подход концептуально соотносится с положениями, сформировавшимися в западной административно-правовой доктрине, в частности, с концепцией «law as a check on power» (право как сдерживающий фактор власти) К. Харлоу и Р. Роулингса, а также с разработками в области сравнительной деликтной ответственности государства (Д. Фэйргрив).

Конституционное закрепление единой системы публичной власти предполагает единство стандартов ее деликтной ответственности на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), в том числе в экологической сфере. Дифференциация правоприменительной практики по делам о возмещении экологического вреда в зависимости от уровня публичного субъекта означает лишь декларируемое, но не реальное единство публичной власти.

Превентивный потенциал института реализован существенно ниже объективно возможного уровня из-за ряда институциональных дефектов – процессуальной асимметрии сторон, недостаточно эффективного механизма регрессной ответственности должностных лиц и недостаточной независимости судебной власти как арбитра в споре частного лица с государством. Устранение этих дефектов является необходимым условием превращения деликтного механизма в полноценный регулятор качества публичной власти.

Существующая концептуальная рамка, в которой деликтная ответственность публичных субъектов рассматривается исключительно как цивилистический институт с публичным субъектным составом, методологически недостаточна. В связи с этим представляется обоснованным доктринальное оформление самостоятельной концепции ответственности публичной власти – интегративной по своей природе, охватывающей как публично-правовые, так и частноправовые механизмы и основанной на конституционном принципе подотчетности публичной власти народу как ее первоисточнику.

В качестве перспективных направлений дальнейшего исследования представляется целесообразным выделить, во-первых, разработку концепции судебно-деликтного стандарта правомерного властного поведения – системного обобщения судебной практики по

делам о возмещении вреда от действий публичных субъектов с целью выявления имплицитных поведенческих стандартов, формируемых судами вне законодательного нормотворчества. Во-вторых, разработку концепции разрешения споров о деликтной ответственности публичной власти за локальный антропогенный экологический вред, интегрирующей судебные и альтернативные (медиация, примирение) механизмы и основанной на унифицированной методологии оценки вреда. Именно в этом направлении пересекаются публично-правовая доктрина о единстве публичной власти и экологическое право, образуя самостоятельную и практически значимую исследовательскую нишу. В-третьих, необходимо исследование регрессной ответственности должностных лиц как недостаточно задействованного звена в цепочке деликтной ответственности публичной власти – с точки зрения его потенциала как инструмента индивидуальной превенции и обеспечения реальной подотчетности конкретных носителей властных полномочий. В-четвертых, сравнительно-правовой анализ моделей деликтной ответственности государства в зарубежных правовых системах с целью выявления институциональных условий, при которых частноправовые механизмы защиты наиболее эффективно выполняют регулятивную функцию в отношении публичной власти, с особым вниманием к историческим условиям, при которых этот механизм превращался из инструмента контроля в инструмент легитимации власти.

Таким образом, частные начала в защите публичного интереса представляют собой не компромиссное совмещение частноправового и публично-правового регулирования, а самостоятельный правовой механизм системной саморегуляции публичной власти, доктринальная разработка которого сохраняет актуальность для отечественной правовой науки.

Список источников

1. Губаева А. К. Некоторые современные тенденции развития института деликтной ответственности (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 4. С. 20–31.
2. Губаева А. К. Теория и практика национального деликтного права в ракурсе европейской цивилистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 1. С. 92–106.
3. Ершова И.В., Шепель Т. В. Особенности обязательства по возмещению вреда, причиненного органами местного самоуправления (ст. 1069 ГК РФ) // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2 (35). С. 177–187.

4. Малкова К. Э., Самсонов А. А. Возмещение экологического вреда: современные проблемы доказывания и расчета размера ущерба // Российские исследования. Право и политика. 2025. № 4. С. 23–42.
5. Омелянюк Г. Г., Вакула М. А., Никулина М. В. Проблемы определения стоимости ущерба, нанесенного объектам окружающей среды // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14 (3). С. 46–53.
6. Працко Г. С., Чикилдина А. Ю. Иски Росприроднадзора о возмещении вреда окружающей среде // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2014. № 2 (23). С. 22–27.
7. O'Donnell G. Horizontal Accountability in New Democracies // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. № 3. P. 112–126.
8. O'Donnell G. Horizontal Accountability: The Legal Institutionalization of Mistrust // Democratic Accountability in Latin America / Ed. by S. Mainwaring, C. Welna. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 34–54.
9. Fox J. Social Accountability: What Does the Evidence Really Say? // World Development. 2015. Vol. 72. P. 346–361.

References

1. Gubaeva A. K. [Some current trends in the development of the institute of tort liability (comparative legal aspect)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Right]*, 2012, no. 4, pp. 20–31. (in Russ.)
2. Gubaeva A. K. [Theory and practice of national tort law from the perspective of European civil law]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Right]*, 2013, no. 1, pp. 92–106. (in Russ.)
3. Ershova I. V., Shepel' T. V. [Features of the obligation to compensate for damage caused by local governments (art. 1069 of the Civil Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Kuzbasskogo institute [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2018, no. 2 (35), pp. 177–187. (in Russ.)
4. Malkova K. E., Samsonov A. A. [Compensation for environmental damage: modern problems of proving and calculating the amount of damage]. *Rossiyskie issledovaniya. Pravo i politika [Russian Studies. Law and politics]*, 2025, no. 4, pp. 23–42. (in Russ.)
5. Omel'yanyuk G. G., Vakula M. A., Nikulina M. V. [Problems of determining the cost of damage caused to environmental objects]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy [Theory and practice of forensic examination]*, 2019, no. 14 (3), pp. 46–53. (in Russ.)
6. Pratsko G. S., Chikildina A. Yu. [Rosprirodnadzor's claims for environmental damage compensation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya [Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence]*, 2014, no. 2 (23), pp. 22–27. (in Russ.)

Информация об авторе

Конева Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalya S. Koneva, Candidate of Sciences (Law), Associate professor, head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Law Institute, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 20 апреля 2026 г.
Received April 20, 2026.